

РОЛЬ А.А. УШАКОВА В ФОРМИРОВАНИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРАВОВОЙ ЛИНГВИСТИКИ

© 2009 г. Н. А. Власенко¹

Александр Александрович Ушаков – известный специалист в области теории и истории отечественного права. Наибольший авторитет завоевал в деле исследования таких проблем, как методология правотворчества, правотворчество и законотворчество, познание права, особенности его системы, обоснование роли системно-структурного подхода в праве, влияние федеративного устройства на систему законодательства и систему права и др. Среди трудов ученого особую известность приобрели работы в области правовой лингвистики, в частности, его книга “Очерки советской законодательной стилистики”. В настоящей статье, посвященной научному наследию А.А. Ушакова, акцент сделан на освещении именно этого направления и значения указанной книги.

О правовой лингвистике и роли исследований А.А. Ушакова

В отечественном правоведении в настоящее время активно формируется достаточно самостоятельное направление исследований, которое с долей условности можно назвать правовой лингвистикой. Это научные труды ученых-юристов, посвященные праву как языковому феномену. Назовем лишь ряд авторов, работы которых наиболее известны: А.Ф. Черданцев, А.С. Пиголкин, В.К. Бабаев, В.М. Баранов, Т.В. Губаева, В.П. Реутов, Ю.А. Тихомиров, Н.А. Калинина, Т.В. Кашанина, А.С. Александров, Н.Н. Ивакина, Н.И. Хабибулина, Н.В. Артикуца и др. Правовая лингвистика как самостоятельное направление в общей теории права носит комплексный характер, объединяя знания разных областей правовой теории – методологии права, юридической техники, правовой логики, толкования права и др. Безусловно, эти знания “пограничные”, интегрированные с философскими, филологическими и иными, ибо именно они в значительной мере и составляют методологическую основу в исследовании и оценке права как своеобразного логико-языкового феномена.

Личный вклад А.А. Ушакова (как инициатора данного направления), с нашей точки зрения, в правоведении наиболее значителен. Именно он

озвучил многие идеи, впоследствии получившие свое развитие в трудах других авторов. Выделим некоторых из них.

Методология исследования

Методологической основой изучения стилистических основ правового текста, в том числе законодательного как наиболее актуального для практики, А.А. Ушаков выбирает философию формы и содержания. При этом автор основывается на органическом единстве содержания и формы, на борьбе содержания с формой и формы с содержанием, на “сбрасывании” формы и “переделке” содержания и др. Ученый подчеркивает важность принципа единства формы и содержания в движении, в основе которого борьба, определяющая любое развитие, в том числе и в праве². Он использует тезис об отставании формы от содержания, о возможности выразить одно и то же содержание в разных формах, о примате содержания над формой и др.³ В этой связи достаточно интересны мысли исследователя при сопоставлении им общественной жизни и права через призму содержания и формы и внешних связей между ними. Здесь жизнь, пишет А.А. Ушаков, выступает как предмет – содержание, независимо от познающего и отражающего ее законодателя. Это обусловлено тем, что вопрос о содержании и форме стоит в плане соотношения двух явлений: одно материальное – общественная жизнь, другое идеальное – право; первое определяет второе, а второе отражает первое. Но, подчеркивает Ушаков, ни в коем случае нельзя смешивать вопрос о том, в чем состоит содержание самого права, с тем, что определяет содержание права, хотя, ссылаясь на Ф. Энгельса, он отмечает, что “люди забывают о происхождении их права из экономических условий их жизни, подобно тому, что они забывали о своем собственном происхождении из животного царства”⁴.

В аспекте диалектики формы и содержания права А.А. Ушаков оценивает качества первоэлемента права – юридической нормы. Надо заметить, что в последние годы в правовой науке по-

² См.: Ушаков А.А. Очерки советской законодательной стилистики. Пермь, 1967. С. 30–31.

³ См.: там же.

⁴ См.: там же. С. 37–38.

¹ Доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ.

явилось немало интересных работ с попыткой философского осмысления права, правовых явлений⁵. Безусловно, авторы активно используют такие категории как форма, содержание, связь и др. Между тем, в поисках смысла права многие исследователи забывают о функциях и роли первоэлемента права – юридической нормы. А.А. Ушаков в этой связи отмечал: “В норме права заложены все свойства и качества права. Она содержит известное определенное волевое суждение о должном поведении человека в известной жизненной ситуации, причем понятие должного охватывает как активные, так и пассивные действия”. И далее автор продолжает: “Правовая норма, являясь спецификой правового отражения общественной жизни, выступает как самостоятельное явление и, следовательно, имеет, как и всякое другое явление, свое собственное содержание и собственную форму, что составляет нормативный аспект диалектики содержания и формы в праве”⁶.

Рассмотрев функции первичного, исходного материала права – юридических норм, А.А. Ушаков выходит на сложнейшую проблему правоведения – место, роль и функции системы права в свете диалектики категорий формы и содержания. Он пишет: “Однако вопрос о содержании и форме может стоять, применительно к праву, в этом аспекте по отношению не только к отдельной норме, но и к праву в целом, выступающему в качестве определенного органичного системного явления”. Далее следующие выводы: “Содержанием системы права является вся совокупность правовых норм, образующих данную систему. Формой системы права является ее структура, связанная с делением системы права на правовые отрасли, институты и др. и с внутренним единством между ее составляющими частями”⁷.

Следует согласиться с важным заключением автора о том, что категории содержания и формы в осмыслении функций и роли системы права позволяют характеризовать ее внутренние связи, отличающиеся между собой неразрывным единством. “Нарушение этого единства ведет к уничтожению права как явления и превращению содержания и формы в самодавяющие величины”⁸.

Рассмотренные выше А.А. Ушаковым проблемы формы и содержания в праве в связи с выражением юридических норм, построением системы права, образованием законодательства и, по его

выражению, законодательной литературы – это далеко не все направления его творчества.

Право, познание, язык

Обладает ли право познавательным свойством или нет? Познает ли что-то новое законодатель? Является ли он открывателем чего-либо? На данные вопросы отечественная юридическая наука пытается ответить в течение многих десятилетий⁹. От этих сложнейших вопросов не уходил и А.А. Ушаков, который, осмысливая роль мышления и языка в праве, писал: “...если лишить право познавательного значения, а функции познания закрепить только за наукой, то само право будет не что иное, как механическая автоматическая юридикация (придание принудительной силы) научным понятиям и формулам, что в действительности далеко не так”¹⁰. Далее проф. Ушаков говорит о роли законодателя в открытии общественных законов и трансформации их в правовые нормы. Здесь он справедливо обращается к роли языка и отмечает: “...нельзя не отметить, что право как особое общественное явление немислимо без языка, который наряду с функцией общения играет большую роль и в познании действительности”¹¹. И далее подчеркивает, что право, – “осмысленное явление, в связи с чем любое выражаемое в языке содержание будет всегда мыслительным содержанием”¹². Итак, мы видим, что автор исходил из возможности права познавать мир, прежде всего через законотворческие механизмы, подчеркивая при этом роль языка, его способность придавать познанному содержанию осмысленность. Такая позиция может иметь место, тем более когда он несколько эмоционально аргументирует свое мнение, ссылаясь на познавательную роль творчества, писательства и др. Еще обстоятельнее данная позиция обосновывалась ученым в ряде других работ¹³.

Уважая данную точку зрения, изложу собственное видение проблемы. Право и правовые нормы ничего не познают; с помощью права научные знания не прирастают. Ни при чем здесь и законодатель, а также законодательная деятельность как

⁵ См., например: *Нерсисянц В.С.* Философия права. М., 1997; *Сырых В.М.* Логические основания общей теории права. В 3-х т. М., 2002–2007; *Байтин М.И.* Сущность права. М., 2005; *Шафиров В.М.* Обеспечение права: человекоцентристский подход. Красноярск, 2005 и др.

⁶ См.: *Ушаков А.А.* Указ. соч. С. 39.

⁷ Там же. С. 41.

⁸ Там же. С. 43.

⁹ Дискуссия о познавательной роли права, судя по опубликованным материалам, имела место на Международном “круглом столе”, посвященном законодательным дефинициям в Черновцах (Украина) в сентябре 2006 г. (см.: Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы / Под ред. В.М. Баранова и др. Н. Новгород, 2007).

¹⁰ См.: *Ушаков А.А.* Указ. соч. С. 36.

¹¹ Там же. С. 37.

¹² Там же.

¹³ См., например: *Ушаков А.А.* Методологические основы и законодательный метод в советском правотворчестве // Ученые записки Пермского гос. ун-та (Юридические науки). Пермь, 1966. № 147.

главный аргумент в дискуссии о признании за правом познавательной функции.

Специалисты, поддерживающие данную точку зрения, часто не имеют опыта правотворческой работы, либо достаточно отчетливо ее не представляют. Дело в том, что законопроект, любая нормотворческая новелла, по сути, рождаются в рабочих группах по подготовке проекта нормативного правового акта. Но, конечно, правовая идея, нормотворческое предложение могут быть сформулированы нормотворческим органом непосредственно, его структурой. Однако нормотворческим органом, как правило, ставится вопрос необходимости отрегулировать какие-либо отношения с использованием определенных правовых средств. В этой связи в ходе нормопроектной деятельности привлекаются специалисты иных профессий, обладающие так называемыми специальными знаниями. За годы законотворческой практики (и это описано в ряде моих работ)¹⁴ практически не припомню, чтобы проекты федеральных и региональных законов, проекты иных нормативных правовых документов подготавливались без так называемых узких специалистов (финансистов, медиков, педагогов, историков, этнографов и т.д.). Представители этих профессий в своих суждениях (как устных, так и письменных) опираются на существующие научные, профессиональные знания, практику, личный опыт и др. Сплав юридического и отраслевого опыта порождает юридическую норму, качество которой всегда зависит от состояния этого “сплава”, а также умения юриста понять специалиста, разобраться в том, что он советует и предлагает, в чем видит смысл законопроекта. И вот здесь надо отдать должное нашей профессии, ее сложности и одновременно авторитетности, а именно: умению специалистов-правоведов вникнуть в отраслевые знания и изложить их в форме юридических предписаний. Нет сомнения, существует немало, если можно так выразиться, “чисто” юридических документов, не требующих привлечения “узких” специалистов, ибо здесь юристы сами выступают в их роли, например, при подготовке законопроектов о правотворческих процедурах, действии нормативных правовых актов во времени, пространстве, по кругу лиц; других законопроектов, например, об областном Уставном суде и т.п. Однако эти документы – достаточно небольшая толика в массиве современных нормативных правовых актов. Между тем “сплав” фактического (специального) и юридического нередко выдают за результат познавательной функции права либо законодателя, чего на самом деле нет и быть не может.

¹⁴См., например: *Власенко Н.А.* Основы законодательной техники. Практическое руководство. Иркутск, 1995; *Его же.* Язык права. Иркутск, 1997; *Его же.* Проблемы точности выражения формы права (Лингво-логический анализ). Дисс. ... доктора юрид. наук. Екатеринбург, 1997 и др.

Анализируя роль и функции законодательной литературы, автор справедливо уделяет внимание такой основополагающей языковой единице как **слово**. Разрыв между мыслью и словом в законодательстве недопустим, – утверждает А.А. Ушаков. “Неточное слово в праве – большое социальное зло”¹⁵. Далее автором справедливо отмечается важность не только слов, но и других языковых средств и в конечном итоге он заключает: “Только в этом случае язык как система речевых средств становится языком законов и других нормативных актов”¹⁶.

Определенное внимание ученый уделяет истории языка права, тенденциям в его развитии¹⁷. Безусловно, следует учитывать время и политический строй подготовки “Очерков” и других работ. Идеи “отмирания права” и, соответственно, языка законов, замещение языка права “языком правил коммунистического общежития” не нашли своего подтверждения. Осуждать автора, как и других исследователей того периода, не приходится. Другого им было не дано.

О законодательном стиле

Один из лейтмотивов работ А.А. Ушакова – законодательный стиль, его особенности и самобытность и даже красота¹⁸. Автор пишет: “Красота законодательного языка проявляется в своей естественности, которая обладает огромной притягательной силой... Чем естественнее, чем проще языковая конструкция, тем совершеннее язык. Тем лучше он отражает законодательную мысль. Языку законов присущи твердость, энергичность, целеустремленность, убежденность”¹⁹. Далее исследователь подчеркивает эстетическую сторону законодательного стиля: “Эстетические качества законодательного стиля, как и сами его речевые средства, создающие эти качества, проявляются в формах юридического изображения действительности, в принципах построения правовых норм”²⁰.

¹⁵См.: *Ушаков А.А.* Очерки советской законодательной стилистики. С. 80.

¹⁶Там же. С. 82.

¹⁷См.: там же. С. 92–132.

¹⁸Т.В. Кашанина справедливо отмечает: “Еще в 60-х годах прошлого теперь века известный российский правовед А.А. Ушаков поставил вопрос о формировании особого направления в юридической науке – законодательной стилистики. С тех пор проведены серьезные исследования в области языка права. Конечно, предела исследованию языковых проблем, так же как, впрочем, и других проблем юридической науки, нет. Тем не менее уже можно говорить, что это предположение реализовалось: правовая лингвистика создана и существует” (см.: *Кашанина Т.В.* Юридическая техника. Учебник М., 2007. С. 247).

¹⁹См.: *Ушаков А.А.* Очерки советской законодательной стилистики. С. 158–159.

²⁰Там же. С. 159.

В этой связи заметим следующее. Исследователь совершенно прав, отмечая особенности законодательного стиля, необходимость таких его качеств как простота, естественность и языковое совершенство. Когда ученый говорит о простоте законодательного языка, его эстетических началах, то это выдает в нем не только истинного юриста, но человека, глубоко понимающего социальную необходимость такого стиля, и тогда, когда такое достигается – это дает возможность характеризовать его с позиции эстетических критериев.

Анализируя законодательный стиль, А.А. Ушаков справедливо обращается к главному – слову и грамматическим связям.

На наш взгляд, именно проф. Ушаков в числе первых обратил внимание на такие средства законодательного стиля как антонимы и синонимы. “Для законодательной лексики весьма характерны так называемые слова с противоположным значением: “прокурор – адвокат”, “право – обязанность”, “действие – бездействие” и др.”²¹. Однако вряд ли следует согласиться с автором в том, что “наличие в праве слов – антонимов в лексике законодателя обусловлено тем, что право носит классовый характер...”²².

Думается, что классовый характер права здесь ни при чем. Анализ специальной литературы позволяет судить о том, что антонимы – это слова, в лексическом смысле которых отражена противопоставленность их значений²³. Другими словами, антонимы есть выражение противоположностей реальных вещей и явлений. В специальной литературе споры чаще всего вызывают степень, объем взаимоисключаемости противопоставляемых реальностей²⁴, но не возможность их существования.

Право, его нормы отражают действительность, и если в этой действительности существует взаимоисключаемость, то они не могут не отразиться в юридических предписаниях. Заметим лишь, что так называемые антонимические пары с позиции происхождения могут быть как привнесенными в правовой лексикон, так и (или) собственными. Дело в том, что в социально-правовой действительности также существуют реальности, имеющие противоположное значение (работодатель – работник; наказание – освобождение; малолетние – совершеннолетние).

Указанное лексическое свойство в деле подготовки нормативных правовых актов трудно переоценить. С помощью противопоставляемости слов достигается четкость и ясность текста, по другому – “филигранность” мысли нормоустановителя.

Представляются верными и суждения А.А. Ушакова о синонимах в нормативных правовых текстах. “Наличие в большом количестве в законодательном языке слов – синонимов как слов, близких по своему общему смыслу, но отличных друг от друга в частностях и деталях, характеризуют большую познавательную деятельность законодателя, который стремится установить связи между участниками правоотношений”²⁵. Следующее суждение автора свидетельствует о глубоком понимании нормоустановительной деятельности: “Отбор необходимого слова, из целого синонимического словесного ряда, составляет важнейшую часть работы законодателя над языковой формой права”²⁶.

Между тем в юридической литературе бытует мнение о том, что синонимы в нормативных правовых текстах – это их определенный недостаток. Например, В.М. Савицкий отмечает: “Распространенным недостатком правовой терминологии являются синонимия и полисемия”²⁷. Такую позицию, к сожалению, высказывают многие ученые-юристы. И здесь еще раз надо отдать должное А.А. Ушакову, который в далекие 60-е годы прошлого века видел несостоятельность таких утверждений и понимал, что синоним – важный прием, средство точной правовой регламентации. Однако в правовом регулировании применение синонимов имеет определенные пределы. Утверждение о том, что право должно стремиться к минимуму использования синонимических рядов вытекает из свойств точности и ясности содержания нормативного правового текста как условия его единообразного понимания и применения. Однако это ни в какой мере не означает, что в нормативных правовых документах синонимия недопустима, наоборот, это явление необходимое для правового опосредования общественных отношений. Дело в том, что при подготовке нормативного правового текста синоним уточняет и детализирует мысль нормоустановителя. Анализ нормативных правовых актов, личный опыт работы в законотворческих органах субъектов Федерации показал, что в основе правовой регламентации лежит идея, мысль, которая находит развитие и детализацию в правовых предписаниях. Нормоустановитель нередко идет по пути использования синонимов, уточняя и развивая тот или иной правовой институт относительно каких-то правовых ситуаций. Использование одного термина порой неверно не только эстетически, но технически вредно в смысле достижения точности правового урегулирования. В свое время автор этих строк пытался проиллюстрировать на

²¹ Там же. С. 165.

²² Там же.

²³ См., например: Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М., 1976. С. 45.

²⁴ Подробнее об этом см.: Власенко Н.А. Язык права. С. 71–72.

²⁵ Ушаков А.А. Очерки советской законодательной стилистики. С. 165.

²⁶ Там же.

²⁷ См.: Савицкий В.М. Язык процессуального закона. Вопросы терминологии. М., 1974. С. 23.

примере ГК РФ ситуации, когда законодатель как синонимичные использует такие термины как “учредитель” – “участник” – “член”²⁸. Здесь свойство синонима слову придается самим нормоустановителем и это действие представляет собой прием юридической техники. Законодатель учитывает то обстоятельство, что смысловые оттенки, которые носят синонимирующие термины, позволяя рассматривать вещи и явления как равнозначные по смыслу, но в то же время и видеть их особенности, необходимые для обеспечения точности правовой регламентации. Многие лингвисты считают, что абсолютных синонимов в природе не существует.

Достаточно категоричен А.А. Ушаков относительно такой разновидности лексики как архаизмы и историзмы. Историзмы – слова, обозначающие названия исчезнувших (или редко встречающихся) предметов или явлений (“помолвка”, “опричник”, “комиссариат”, “нарком”). Автор справедливо отмечает, что в законодательной лексике со временем происходит отмирание отдельных слов. “Историзмы вышли из активного оборота лексики советского законодателя, применяются редко, только в связи с описанием исчезнувших правоотношений старого строя”²⁹. Ученый вел речь о советском законодательстве, и другого, в силу политических причин, сказать не мог. Однако жизнь показала иное. В 90-е годы прошлого века в стране изменилась политическая и экономическая ситуация и многие историзмы приобрели статус активной лексики, в том числе и правовой (“губернатор”, “дума”, “казначейство”, “благотворительность” и т.д.).

Архаизмами А.А. Ушаков называет старославянские и других слова, что в принципе верно, хотя среди архаизмов много и других слов и сочетаний, например, древнетюркских. Однако его вывод о том, что “в законодательном стиле они не должны употребляться потому, что право регулирует и отражает только современные общественные отношения, а язык законодателя идет с языком в ногу с языком вообще”³⁰ вряд ли верен.

Дело обстоит совсем иначе. Архаизмы как и историзмы – часть пассивной лексики, которая, безусловно, вытесняется современной. Однако это не означает, что они не используются либо не модернизируются (пашпорт – паспорт; ответствовать – отвечать). Кроме того, архаизмы нередко встречаются в общей лексике, а также и правовой. Исследование современного законодательства показывает, что речь идет в первую очередь об отраслевых (специ-

альных) актах (лесное и земельное законодательство: “лесные подати”, “прогалины”, “редина”, “межевание земель”, “специально-кашотное межевание” и т.д.). Юристы могут гордиться тем, что в праве существуют собственные правовые архаизмы (“пристав”, “присяжные”, “деяние”, “кара”, “казнь”, “истец”, “пошлина”, “купчая” и т.д.). Задача нормоустановителя – бережно относиться к архаизмам, не пытаться заменить их синонимирующей лексикой. Однако нормоустановитель, возвращая в современную правовую лексику древние слова и сочетания, должен убедиться в том, получило ли то или иное слово или сочетание широкое распространение в современном лексиконе, другими словами стала ли эта языковая единица общеизвестной.

О “законодательном литературном произведении”

Идея рассмотрения и оценки законодательства как разновидности литературного произведения в юридических работах тех лет поддержки практически не нашла. Современные исследователи этого положения также не замечают. Однако характеристика законодательства как “явления литературы, как факта литературного языка”, по словам Ушакова, – дело будущего. Приходится лишь сожалеть, что исследователи права как тех лет, так и современные, эту, пока нерешенную проблему, не замечают. Дело в том, что правовая письменность (что не оспаривается и филологами) представляет собой разновидность письменности вообще. Однако всякая системная письменность являет собой литературный источник, литературу, которая обладает определенными свойствами общего характера. В этом смысле законодательство – также литературный источник, которому свойственны общие закономерности, что и литературе в целом. Безусловно, прав А.А. Ушаков, в преддверии своих размышлений на эту тему заявляя: “Учение о законодательном тексте, о законодательной письменности имеет для юриста не меньшее значение, чем само учение о сущности правовой нормы”³¹.

Справедливо положение проф. Ушакова о том, что юридическая наука оперирует понятиями “законодательство”, “нормативный акт”, “нормативный документ”, “писаное и неписаное право”. Но, к сожалению, она не знает понятия законодательной литературы, законодательного произведения. Это не может не сказаться, справедливо заключает автор, на состоянии изучения проблемы содержания и формы в праве, и в частности на разработке вопросов юридической техники, суть которой сводится к изучению закономерностей создания права как особого вида литературы”³².

²⁸См.: Власенко Н.А. Проблемы точности выражения формы права (Лингво-логический анализ). Дисс. ... доктора юрид. наук. С. 30–31.

²⁹Ушаков А.А. Очерки советской законодательной стилистики. С. 174.

³⁰Там же. С. 179.

³¹Там же. С. 55.

³²Там же.

Такие признаки правовой письменности, как особый документальный стиль, официальность, нормативность положений – лишь некоторые его особенности. Однако есть и другие свойства этой письменности, дающие нам право относить подобные источники к литературным и характеризовать их как вид.

Нормативный правовой акт, в том числе законодательный, не может не иметь композиционно-го построения, что означает “архитектонику литературного произведения независимо от того, к какому виду литературы оно относится. Сама по себе композиция присуща не только произведениям права. Она представляет собой общее явление...”³³.

Сюжет законодательного произведения, другими словами, его идея – основа композиции. Выдерживание линии сюжета, а также отступление от него – закономерность любого литературного произведения, на что обращают внимание специалисты. Текст нормативного правового акта не является исключением и на изложение могут влиять различные факторы, в том числе традиции. А.А. Ушаков в этой связи верно замечет: “Так, деление на общую и особенную часть в уголовных кодексах, построение гражданского кодекса по пандектной или институциональной системе непосредственно не связаны с “сюжетом” уголовного и гражданского кодекса”³⁴.

Членение нормативного правового текста, его “сюжета” на составляющие – явление закономерное и присущее не только данному виду литературных источников. “Членение нормативного акта на части, – отмечает Ушаков, – зависит от содержания и характера законодательного акта, от его целевого назначения и объема”³⁵.

Композиционность и, как следствие этого, членение текста неизбежно порождают так называемую рубрикацию составных частей проекта нормативного правового акта, помогают как нормоустановителю, так и адресату видеть логику документа, его идею, тему.

Композиционность, членение, рубрикация и другие элементы литературного произведения есть общая закономерность, в том числе законодательных и иных нормативно правовых текстов. В то же время это и прием юридической техники. Именно под таким углом зрения автор этих строк рассматривал данное явление в ряде своих работ, опираясь на идеи, высказанные А.А. Ушаковым³⁶.

³³ Там же. С. 70.

³⁴ Там же. С. 72–73.

³⁵ См.: там же. С. 73.

³⁶ Власенко Н.А. Основы законодательной техники. Практическое руководство. С. 21–24; Его же. Язык права. С. 128–140.

Правовая символика

Насколько показывают исследования отечественной литературы последних десятилетий, А.А. Ушаков, пожалуй, в числе первых, обратил внимание на проблему правовой символики. В свое время, обосновывая идею о том, что правовое регулирование осуществляется не только при помощи таких логико-языковых феноменов как правовые нормы, я основывался на положениях проф. Ушакова о символике в праве, высказанных в “Очерках”. В монографии “Язык права” (с долей условности) я называл этот феномен “знаковым правом”, аргументируя данную идею достаточно широким использованием в правовом регулировании таких феноменов как схемы, таблицы, знаки, линии границ на картах (например, муниципальных образований) и др.³⁷

А.А. Ушаков в этой связи отмечал следующее. Право может быть “выражено и представлено с помощью знаков, символов (дорожные знаки, стрелки-указатели, межевые знаки, пломбы на замках, пограничные столбы, вооруженный часовой и т.д.). Правовая норма, отмечает далее ученый, может быть нарисована, изваяна в виде скульптуры. Например, пишет автор, институт смертной казни может быть изображен в виде человеческого черепа, со скрещенными конечностями, тюремное заключение можно изобразить в виде решетки. Герб, флаг также являются средствами отображения правовой материи. Правовые явления могут быть выражены даже средствами музыки. Государственный гимн в известном смысле есть тоже выражение правового явления”³⁸.

Однако А.А. Ушаков далек от того, чтобы увлечься правовой символикой и при этом не видеть роли языка. Поэтому он отмечает: “Все способы символического выражения правовых категорий хотя и имеют некоторое применение, однако практический эффект их по сравнению с языковым невелик. А язык дает ничем не ограниченные просторы для отображения правовой нормы и связанных с ней других явлений. С языком не может конкурировать ни одно из возможных средств правовой отображительности ни во времени, ни в пространстве”³⁹.

И главный, на наш взгляд, вывод, который делает Ушаков: “Графическое и любое другое изоб-

³⁷ Подробнее см.: Власенко Н.А. Язык права. С. 28–32. Эта тема получила должное развитие в работах А.В. Никитина. См., например: Правовые символы. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999; см. также: Никитин А.В. Правовой символ как прием юридической техники // В сб.: Проблемы юридической техники / Под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 440–450; Смирнов Л.В. Законодотворческая техника в современной России. М., Тула, 2006. С. 83–94.

³⁸ См.: Ушаков А.А. Очерки советской законодательной стилистики. С. 79.

³⁹ Там же. С. 79.

ражение права само по себе невозможно без языка, ибо в основе так называемой знаковой символической системы лежит обычный, естественный язык⁴⁰. И это верно. В свое время автор этих строк пытался доказать, что в ряде случаев правовые символы в форме схем, знаков, графических фрагментов, инструкций, указаний (техничко-юридических предписаний) могут жить самостоятельной жизнью, т.е. непосредственно регулировать фактические отношения без правового описания⁴¹. Такой прием в правовом регулировании может иметь место, но в большинстве случаев это исключение из правила, определяющего то, что язык и символ связаны, и символ, являясь приемом правового регулирования, в подавляющем большинстве случаев имеет языковое сопровождение. Представляется, что проблема символики ждет своего исследования.

Оценка в праве

В современной юридической литературе нет недостатков в попытках применения аксиологического подхода, исследования оценочных понятий, роли оценочной деятельности в правоприменении и др.

Представляется, что современные авторы незаслуженно не уделяют внимания суждениям А.А. Ушакова по данной проблематике. Заметим, что еще в 1967 г. он писал: “Советское право нельзя сводить только к воле, к велениям, ибо в нем есть и оценочный элемент, состоящий из понятий, суждений, умозаключений о справедливом, о правильном”. Далее исследователь отмечает: “Отрицать познавательное, интеллектуальное, оценочное значение советского права – значит рассматривать его только с этатической, принудительной стороны, что явно противоречит сущности советского права”⁴². Итак, мы видим, что еще в 60-е годы прошлого столетия отечественный ученый-правовед достаточно смело говорил о том, что сущность права не может быть сведена лишь к воле и принуждению. Отдельные суждения ученого, в частности об оценочных явлениях в праве, выдают в нем человека всестороннего, пытливого и мыслящего.

Строго говоря, правовая лингвистика, оценка и оценочная деятельность в праве – явления разнотипные, и здесь можно упрекнуть проф. Ушакова, а вслед за ним и автора статьи в необоснованном расширении предмета исследования. Однако оценочные понятия и текст взаимосвязаны. Оценочные понятия требуют определенных языковых средств выражения в нормативных правовых ак-

тах, а также конкретизации, например в документах судебной практики, что невозможно без использования соответствующих логических и лингвистических средств. Кроме того, правоприменительное усмотрение, в том числе судебное, невозможно вне конкретизации оценочных понятий. Это осуществляется при помощи логических и лингвистических приемов. Как очевидно, постановка вопроса о связи оценочных явлений с языковыми средствами их выражения в праве не вызывает сомнения.

Некоторые итоги и пожелания

Творческое наследие А.А. Ушакова достаточно многообразно и разносторонне, в нем поставлены многие теоретические проблемы права, предложены пути их решения. Особой глубиной и многоаспектностью отличается философская, лингвистическая и историческая правовая проблематика. Автор предложил ряд оригинальных подходов к пониманию законодательства и роли самого законодателя, системы и структуры права и др. Безусловно, идеология того времени отложила соответствующий отпечаток на ход рассуждений и аргументацию автора. Однако отнести труды ученого к идеологическим по характеру государственно-правовым работам советского периода нельзя, ибо слишком много в них идей и положений, неподвластных времени и политическим оценкам.

Обращает на себя внимание эрудиция автора, его желание видеть как та или иная проблема в праве, о которой он пишет, ставилась и решалась до него. К сожалению, в настоящее время очень многим исследователям этого качества не хватает. А.А. Ушаков обладал по истине энциклопедическими знаниями. Он глубоко владел зарубежной философией, правовыми доктринами, свободно ориентировался и во многом опирался на исследования советских правоведов 20-х – 30-х годов. Особенно поражают его знания журнальной правовой периодики того времени. О владении им положениями фундаментальных правовых работ его современников говорить не приходится.

Необходимо переиздание отдельных трудов А.А. Ушакова, ибо они представляют несомненный научный интерес. Дело в том, что некоторые статьи ученого содержатся в малодоступных источниках. Между тем один из принципов научной деятельности – преемственность, связь научных исследований.

Творческое наследие А.А. Ушакова не забыто, и его с полным основанием можно отнести к золотому фонду отечественной правовой мысли. Его творческое наследие – гордость российской правовой культуры.

⁴⁰Там же.

⁴¹См.: Власенко Н.А. Язык права. С. 29–30.

⁴²Ушаков А.А. Очерки советской законодательной стилистики. С. 35.